

— Залипаки брать будете? — гнусая, спросила Самоварову хмурая кассирша — глаза-щелочки, набрякшие мешки...

— А нужно? — не понимая, о чем речь, растерялась Варвара Сергеевна.

— Это уж вы сами решайте, хотите участвовать в акции или нет, — шмыгнула носом, будто обидевшись, невыспавшаяся женщина.

— Что за акция? — любопытствовала Варвара Сергеевна.

В этот утренний час на весь супермаркет работала одна касса, и Варвара Сергеевна спиной почувствовала молчаливое недовольство скопившейся очереди.

Но продавщица, с неожиданно проснувшимся энтузиазмом, начала подробно отвечать на вопрос.

— Акция, — развернула она перед носом Самоваровой рекламный буклет, — будет проходить до конца декабря. Вот сюда, — ткнула она пальцем с облупившимся лаком в тощий буклет, — вы должны наклеить накопленные, сколько успеете собрать, залипаки. От их количества и зависит скидка на товар.

— А что за товар-то? — Без очков Варваре Сергеевне было сложно что-либо рассмотреть в разложенном на черной ленте буклете.

— Сейчас акция на хорошие ножи. А предыдущая была на кастрюли.

— Кастрюли были бы нужнее, — вздохнула Самоварова.

Позавчера она сожгла любимую кастрюльку доктора, в которой поставила вариться кашу да залипла (как это водится у женщин) перед зеркалом.

— Все, поезд ушел, — драматично вздохнула кассирша, — теперь только ножи. Кстати, ножи хорошие, нам премию ими недавно выдали. Китай, конечно, но качественный.

— Уважаемые! — не выдержал очкастый и носатый дядька, стоявший за Самоваровой. — Люди вообще-то на работу опаздывают! Нельзя ли побыстрее рассчитаться?

Кассирша, бросив уничижительный взгляд на нетерпеливого покупателя, не спеша отсчитала Варваре Сергеевне сдачу с пятитысячной купюры.

— Спасибо, — улыбнулась Самоварова, аккуратно засунув в пакет с продуктами залипаки и буклет.

— Хорошего дня, голубушка! — махнула свободной рукой кассирша. — Да не пихайте вы мне вашу карту раньше времени, я еще ничего не пробила! — тут же огрызнулась она на очкарика.

— Что за магазин?! Где ваше начальство? И всегда у вас почему-то одна касса работает!

Варвара Сергеевна вышла из супермаркета и, обходя холодные осенние лужи, с удовольствием подумала, как позавтракает свежеиспеченной булочкой со сливочным маслом, запивая ее горячим кофе.

Жаль, Валерка уже ушел на работу...

Сегодня утром ей пришлось встать пораньше и по настоянию Валерия Павловича сдать натошак анализ крови в поликлинике, где он работал и где они когда-то познакомились.

Вот уже больше года доктор тщательно следил за ее холестерином («Объедаешься сливочным маслом!»), гемоглобином («У тебя опять пониженное давление!») и уровнем кальция, который не должен вымываться из ее немолодых костей.

Несмотря на то что вышеперечисленные показатели частенько бывали то чуть завышенными, то чуть заниженными, Варвара Сергеевна с удовольствием пренебрегла бы ими, но из уважения к заботе Валеры регулярно делала то, о чем он просил.

В последнее время Самоварова все чаще ощущала, что размеренная жизнь, которую они вели с Валерием Павловичем, начала ее утомлять.

Совместные завтраки и ужины, которые они часто готовили сообща, вечерние просмотры сериалов, пешие прогулки по городу, раз в месяц — театр, иногда, если позволяли средства, — походы в небольшие уютные ресторанчики — все это, бесспорно, было очень ценно для нее, до встречи с Валерой не знавшей зрелой любви и стабильных отношений с мужчиной. Но против собственной природы не попрешь, врожденная живость натуры требовала каких-то колебаний, какой-то встряски, что ли! «Уж не влюбиться ли мне, грешным делом?» — промелькнуло накануне утром в ее голове.

От столь внезапной и нелепой мысли Варвара Сергеевна чуть не обожглась горячим кофе.

Будучи человеком, трезво смотрящим на жизнь, она тут же над собой посмеялась: и возраст для скачков гормонов уже не тот, и отношения с ревнивым доктором были ей очень дороги.

Самоварова решила списать внутреннее беспокойство на стремительно обрушившуюся на город осень.

Осенью всегда так.

Ошибочно полагать, что обновления чувств хочется только весной.

Осень безжалостно напоминает: все в мире скоротечно, и жизнь наша подобна промелькнувшему лету. Вот ты бегаешь босиком по душистой траве — и вот уже кутаешь загорелую шею в колючий шерстяной шарф.

Нынешняя осень была особенно красива.

По дороге к дому Самоварова невольно залюбовалась буйством красок перед спячкой раздевшейся в лучшие

одеяния природы — от обилия пурпура и охры кружилась голова!

«Наш земной путь — всего лишь переход из одного измерения в другое. И осенью он особо заметен».

Варвара Сергеевна посмотрела на небо.

Словно в подтверждение ее мыслей та его сторона, что покрывала Юсуповский дворец, была подернута сизыми тревожными тучами, зато солнце над Исаакием, высунувшее на прозрачно-голубом небе острые язычки, щедро выплескивало на город остатки летнего тепла.

Две недели назад Варвара Сергеевна записалась на курсы вождения, имея перед собой цель: сдать на права категории А. К будущему лету на деньги, что остались после поездки в Рим, она запланировала приобрести не слишком дорогой современный мотоцикл, на котором могла бы вместе с Валерой ездить на дачу.

Готовила она к этому доктора с весны.

Не перечислить, сколько было споров, слез и следовавших за этим бурных примирений!

Наконец Валерий Павлович сдался.

«Варя, только никаких заигрываний с инспекторами ГИБДД! Я сам приеду на экзамен и посмотрю, чему ты там научилась. Речь идет о твоей безопасности».

«О нашей безопасности! — хмыкнула в ответ Варвара Сергеевна. — Я же тебя катать на мотике собираюсь».

Самоварова посмотрела на экран айфона — время позволяло, вернувшись домой, не торопясь позавтракать, немного поработать над романом, в котором она вот уже несколько месяцев не могла выстроить внятный сюжет, и привести себя в порядок.

К двенадцати ей нужно было успеть на курсы вождения.

Подойдя к дому, Варвара Сергеевна увидела пожарную машину, вокруг которой сгрудились праздные и любопытные жители.

В груди неприятно екнуло.

За то время, что Самоварова проживала в квартире доктора, ей, общительной и любопытной к людям, удалось перезнакомиться почти со всеми местными тетушками и бабушками.

Не успело недоброе предчувствие облачиться в какую-либо понятную форму, как к ней подскочила Мария Юрьевна, соседка с первого этажа, посвятившая себя воспитанию внуков, бесконечно нарождавшихся от трех любвеобильных дочерей.

— Ой, Варя, голубушка! — приближаясь, зашумел соседкин тонкогубый, с герпесным прыщиком в уголке рот. — Это у вас ведь полыхнуло! Беда-то какая!

— Как давно? — Сглотнув, Варвара Сергеевна постаралась взять себя в руки.

— Да минут пятнадцать тушат, правда, говорят, только прихожая сильно пострадала... Роман Аркадьевич из тридцать седьмой дома был, хоть и старик совсем, запах тотчас учуял! Выскочил на площадку, видит — дымит ваша дверь. Он мешкать не стал, как заорет на весь подъезд благим матом! Тут уж и остальные повыскакивали, кто-то вызвал пожарных...

Слушая соседку, Варвара Сергеевна бешено отмазывала назад кадры прошедшего утра. Валерий Павлович ушел из дома первым. Сегодня у него сложный день, и в поликлинику он отправился к восьми. Перекусив йогуртом, в семь тридцать Валера закрыл за собой дверь.

В это время она уже одевалась.

Ни газовой плитой, ни тостером, ни кофемашиной с автоматическим отключением никто из них утром не пользовался.

Что еще может быть? Утюг?!

Нет, Валера достал из шкафа заранее выглаженную, белую в синюю полоску рубашку. Варваре же было не до марашета. Наскоро собираясь, она надела спортивный костюм.

Живя с педантичным доктором, Самоварова приобрела привычку перед любым, даже краткосрочным выходом из дома проверять, закрыты ли окна и краны. Стоило ли говорить о газе и электрических приборах!

И не курила она сегодня в квартире. В очередной раз под давлением Валеры решила бросать, оставив себе право на пару-тройку папирос в день строго на балконе и строго после еды.

От сигарет Варвара Сергеевна давно уже отказалась. Бра-ла хороший табак в магазинчике на Невском, с помощью специальной машинки крутила самокрутки и заполняла ими полюбившийся подарок единственной подруги Ларки Калининой — обтянутый зеленой кожей дамский портсигар.

Продравшись сквозь кольцо заверещавших при ее появлении на все лады соседок, Самоварова, проигнорировав лифт, взбежала на третий этаж по лестнице.

«Пресли!» — оглушающе стучало в голове.

То, что осталось от сгоревшей двери, зияло мокрой черной дырой.

Забежав в квартиру, Самоварова закашлялась от едко-го специфического запаха тлена и пены.

К моменту ее появления двое молодых пожарных успели закончить свою работу, они были без защитных касок, а их орудия — пожарные стволы — лежали на выгоревшем до черноты полу коридора.

— Вы хозяйка? — без всяких вступлений обратился к ней белобровый, круглолицый парень.

— Да! Где мой кот?!

— Документы покажите, — подойдя к ней вплотную, брякнул второй, маленький и щуплый.

Оттеснив его рукой, Варвара Сергеевна бросилась на кухню, затем в комнаты. Первая, ближняя к коридору, серьезно пострадала, у второй, расположенной в глубине, стены, выкрашенные в светло-желтый цвет, местами покрывались сажевым, вдовьим покрывалом.

— Гражданочка, покажите ваши документы! — проследовал за ней в дальнюю комнату щуплый. В своем защитном костюме он был похож на мультяшного, случайно заблудившегося в городе космонавта.

Варвара Сергеевна, проигнорировав его просьбу, присела на кровать и вдруг горько, во весь голос зарыдала.

До нее наконец дошло, что кот Пресли вот уже месяц не жил в этой квартире.

Под воздействием адреналина, выброшенного стрессом, у нее на некоторое время отключилась ближняя память.

В конце августа они с доктором отправились на неделю в Рим. По этой причине Пресли перекочевал к своей второй хозяйке — дочери Варвары Сергеевны.

У Аньки жила и их общая кошка Капа.

Как раз перед отъездом Варвары Сергеевны в Рим Капа приболела. И хотя ветеринар не обнаружил серьезных проблем, фантазерка-дочь считала, что Капа плохо ест и спит потому, что у нее депрессия. Самоварова прекрасно понимала, что этим туманным объяснением дочь прикрывает нежелание отдавать назад Пресли, по которому за лето соскучилась. Анька внушала матери, что общество кота идет Капе на пользу, и уговорила Варвару Сергеевну не разлучать старых друзей до наступления следующего теплого сезона.

— Я здесь не прописана, — утирая рукавом олимпийки слезы, ответила пожарному Самоварова.

— Это неважно... — Видя ее состояние, паренек убрал из голоса категоричные нотки. — Но документы-то у вас есть?

Варвара Сергеевна машинально выудила из сумки паспорт, без которого никогда не выходила из дома.

Ох уж эти старомодные привычки!

Но рано или поздно они срабатывают во благо.

«А так бы еще сгоревший паспорт восстанавливать пришлось», — пронеслось в голове. Паспорта они с Валерой хранили в ящике стола маленькой, ближайшей к коридору, наполовину выгоревшей комнаты.

«Валерка-то, интересно, взял с собой паспорт? А документы на собственность где он хранит?!»

— Сейчас дознаватель подъедет, — возвращая документ, сказал пожарный.

— Так дознавателю мой паспорт и нужен, уж никак не вам. — Самоварова встала с кровати и через силу попыта-

лась улыбнуться. — Спасибо, что столь оперативно отреагировали. Квартиры горят очень быстро...

— Да, вам крупно повезло, что у вас такие внимательные соседи.

Со стороны площадки послышался сухой надтреснутый голос Романа Аркадьевича и еще какой-то визгливый, бабий.

— А вот и дознаватель явилась, — усмехнулся паренек.

И понеслись неприятные хлопоты.

От дознавателя пожарной службы, ярко накрашенной женщины около сорока, разило истерикой, супом и противными, «мыльными» духами.

Пока Варвара Сергеевна самостоятельно осматривала пострадавшую квартиру, дознавательница, переругиваясь с пожарными, проверила составленный ими акт и сделала фотографии с места происшествия.

Когда пожарная бригада уехала, все трое — дознавательница, сосед и Варвара Сергеевна — расположились на почерневших от копоти табуретках у кухонного стола, на которые Самоварова предусмотрительно набросила пакеты для мусора.

Брезгливо проведя пальцем по обуглившемуся столу, женщина закинула ногу на ногу и водрузила на колени папку с документами.

— Я сидел и телик смотрел, — с удовольствием пересказывал хронологию событий обрадованный неожиданным вниманием к своей скромной персоне сосед. — Там про грызунов рассказывали...

— По какому каналу? — уточнила Самоварова.

Не то чтобы ей хотелось разыграть сцену из разобранного на цитаты фильма, где оперативный сотрудник МУРа расспрашивает о времени футбольной трансляции чем-то похожего на Романа Аркадьевича деда, но... чем черт не шутит?

Бывший следователь, майор полиции Самоварова пока не отметала любой, даже самой нелепой версии.

Не далее как на прошлой неделе Валерий Павлович в очередной раз поругался с великовозрастным сыном Романа Аркадьевича: жильцы этой квартиры вовремя не выносили на уличную помойку пакеты с подгнивающим на лестничной площадке мусором.

— Да первый вроде канал. — Учув в вопросе подвох, сосед обиженно поджал губы.

Дознаватель пожарной службы достала из кармана недорогого кожаного пальто вибрирующий телефон и, углядев на мониторе имя звонящего, с плохо скрываемым злорадством сбросила звонок.

— Так! — набросилась она на свидетеля. — И что там с грызунами?!

Роман Аркадьевич (как и остальные жильцы дома) не знал, где раньше работала Самоварова, но напомаженная представительница закона своим агрессивным напором заставила его вмиг сжаться и заверещать:

— Сын, случается, забывает по дороге на работу мусор выкинуть, соседи недовольны, — виновато кивнул он головой в сторону Варвары Сергеевны. — Вот я и вышел проверить, забрал ли он мусор. Нет, вы не подумайте, грызунов у нас нет, просто иногда...

— Просто иногда ваш мусор благоухает на площадке целый день! — нахмурилась Самоварова.

— Дверь открыл — а там чад, и обшивка ихней двери, — вновь кивнул он на Самоварову, — подгорает, будто... будто ее чем-то подожгли!

Самоварова встала и, отыскав в уцелевшей тумбе кухонного шкафчика портсигар, достала из него папиросу.

— Вы не против? — обратилась она к дознавательнице.

Та неопределенно пожала плечами.

Телефон в кармане ее пальто снова нервно завибрировал. Сбросив звонок, дознавательница достала из слишком легкомысленной для ее должности ярко-красной сумки упаковку ментоловых леденцов.

— Так, — закинув в рот парочку, продолжила она, — значит, говорите, дверь подожгли? — И, словно пытаясь

поймать и придавить кого-то невидимого, она несколько раз потыкала в воздухе зажатой между пальцев ручкой.

— Насчет поджога я не уверен... — протянул Роман Аркадьевич, с опаской следя за ее движениями.

Варвара Сергеевна вдруг вспомнила, что на прошлой неделе доктор завел с ней разговор о замене допотопной входной двери на современную металлическую.

Вот ведь досада, не успели...

Этот дом Варваре Сергеевне никогда не нравился.

Но ради близкого человека постоянно приходится чем-то жертвовать.

Их с дочерью квартира была в существенно более старом доме, но разница колоссальная — в их с Анькой случае это качественная, с большой парадной и высокими лепными потолками «сталинка», а Валерий Павлович, хоть и неподалеку от центра, проживал в блочной задрипанной пятиэтажке.

Жить с доктором на ее территории Варваре Сергеевне не позволяли личные обстоятельства: уже больше года в ее квартире проживал гражданский муж дочери, а сын Валерия Павловича, напротив, вскоре после их с доктором знакомства переехал к своей девушке.

— Так... Злоумышленника видели? — что-то отметив в протоколе, продолжила дознаватель.

— Не-е-е... Не видел! — испугался Роман Аркадьевич.

— А с чего это вы взяли, что дверь подожгли? — нахмурившись, спросила дознавательница.

— Он же сказал, горела обшивка снаружи, — вступила Самоварова. — Если бы возгорание началось внутри, вы бы увидели здесь совершенно другую картину.

Размалеванная тетка, которая неотступно думала о чем-то своем, не имевшем никакого отношения к пожару, начинала ее раздражать.

— Кто еще видел начало возгорания? — проигнорировав замечание Варвары Сергеевны, обратилась дознавательница к соседу.

— Эта... Машка с четвертого. Она как раз с лестницы спускалась, когда я выскочил.

— И где сейчас эта Машка?

— Так ушла... Постояла с минуту, поохала да и побежала по своим делам. У нее ребенок в больнице.

Дознавательница, швырнув папку на стол, встала, залезла в карман и наконец удосужилась ответить на входящий звонок.

— Нет! — оскалился ее ярко-розовый рот. — Это исключено! И вообще, это не мои проблемы!

Выплеснув злобу, тут же нажала отбой.

— Удивительная несознательность, — присев обратно на табуретку, завращала она подведенными черным глазами. — Основная свидетельница поджога вот так просто постояла, поохала, а потом взяла и ушла?

— Я же говорю, у нее ребенок в больнице. Его вчера с аппендицитом отвезли. Кстати, она и вызвала пожарных! Я просто растерялся... забыл, как звонить. Вернее, я даже не знаю, как туда с мобильного звонить.

— А с городского слабо было «01» набрать?

— Отключили давно городской. Мы им почти не пользуемся, зачем за него плóтить? — торопливо оправдывался сосед.

— Так... Кто еще видел, как загоралась дверь?

— Ну... я как заорал, многие, кто дома был, из квартир повыскакивали.

— Отлично, — усмехнулась дознавательница. — И где сейчас эти многие? Можете вспомнить, кто именно повыскакивал, кто видел, как возгоралась обшивка? Мне нужен как минимум еще один свидетель.

— А... так я сейчас приведу... — засуетился Роман Аркадьевич. — Они небось до сих пор у подъезда толпятся!

Через несколько минут на кухне появилась миловидная женщина в затемненных дымчатых очках. Самоварова ее раньше не встречала.

Дознавательница окинула вошедшую ревнивым взглядом — обе женщины были примерно одного возраста, но вновь прибывшая, в отличие от дознавательницы, была ухожена и просто, но со вкусом одета. Ее открытая улыбка излучала не требующую доказательств уверенность в себе.

— Так. Паспорт давайте! — вместо приветствия бросила дознавательница.

— Пожалуйста. — Выстриженные идеальным, средней длины «каре» волосы цвета миндаля красиво колыхнулись, пока женщина торопливо доставала из неброской, но дорогой сумочки паспорт в кожаной обложке.

— Так... Вы же здесь не прописаны! — пролистав странички, вперила в нее яростный взгляд представительница закона.

— Ну и что? — пожала плечами та и сняла невидимую соринку с безупречно скроенного и отлично сидящего белого шерстяного пальто.

— Я тоже здесь не прописана, — вступилась за незнакомку Самоварова. — Но если гражданка действительно что-то видела, отсутствие прописки в этом доме не лишает ее права свидетельствовать.

— Ну и что вы видели? — Дознавательница помассировала ручкой кудрявый затылок. Казалось, ее мучает похмелье.

— Лифта долго не было, я пешком спускалась с пятого этажа. Откуда-то снизу доносился неприятный запах гари. Когда я оказалась на третьем, увидела вот его. — Незнакомка ткнула ногтем с френч-маникюром в сторону Романа Аркадьевича. — Дверь квартиры за его спиной была открыта, а он стоял посреди площадки и с ужасом смотрел, как загорается соседская дверь.

— И что же было дальше?

— Я остановилась.

— И тоже стали смотреть, как загорается дверь, вместо того, чтобы попытаться ее потушить?!

Хамоватый тон дознавательницы, равно как и манера допроса, явно выходили за рамки служебной этики.

Но женщина в белом пальто лишь спокойно пояснила:

— Видите ли, я здесь не живу. Оказалась, можно сказать, случайно. А этот человек, как я поняла, вышел почти одновременно со мной, так что времени сообразить, что нужно делать, у него просто не было.

— Именно так! — охотно закивал сосед. — Я выскочил, тут и она подошла. Я как заора-а-л, и Машка сразу сбежала с лестницы, ну та, которая пожарных вызвала, опосля уж остальные сбежались.

— Так... Ну и что вы видели? Как горела дверь?

— Как будто ее чем-то подожгли снаружи.

— Например?

— Например... — задумалась женщина. — Расковыряли ножом обшивку и засунули туда спичку или дымящийся окурок.

— Обшивку не просто расковыряли! Если огонь так быстро проник в квартиру, значит, дверь пробили насквозь и в дырку засунули горящий предмет.

Самоварова задержала взгляд на сморщенных, усыпанных пигментными пятнами руках Романа Аркадьевича. То ли от царящего здесь напряжения, то ли в силу возраста руки соседа заметно подрагивали.

Она перевела взгляд на незнакомку. Ее руки с тонкими длинными пальцами, хоть и выдавали не юный возраст, были нежны и ухожены.

— Так... ладно. Когда я закончу, подпишете оба вот здесь и вот здесь. И можете быть свободны, пока...

— Можно один вопрос? — встряла Варвара Сергеевна.

Все это время она судорожно думала о том, когда и как сообщить Валере дурную весть.

После двух утренних приемов в поликлинике Валерию Павловичу надо было успеть к одиннадцати на собеседование. Один из старых, еще с института, приятелей, Вислаков, вошел в состав учредителей недавно открывшегося крупного медицинского центра. Валере предложили должность заведующего отделением психиатрии и достойную зарплату. И хотя доктор упорно делал вид, будто не особенно заинтересовался предложением Вислакова, Варвара Сергеевна знала: Валера давно ждал чего-то подобного.

Господи, ну как же все некстати...

— Ежели вы здесь оказались случайно, почему не уехали сразу после того, как соседи вызвали пожарных? — как

можно более дружелюбно спросила Самоварова у женщины в белом пальто.

Дознательница, оторвав лицо от бумаг, заинтересованно хмыкнула:

— Действительно, почему?

— Потому что я не застала человека, к которому пришла.

Вытатуированные черным густые брови дознавательницы выразили жирный вопрос.

Все с той же милой, явно подбешивающей дознавательницу улыбкой свидетельница продолжила:

— Здесь, на пятом этаже, когда-то жила моя бывшая учительница русского языка. Я не видела ее больше двадцати лет... Номер ее мобильного я, конечно, не знаю, а вот адрес помню хорошо.

— Лидия Петровна? — оживился Роман Аркадьевич. — Так она уж года два как померла... Ее дочь сдает квартиру каким-то узбекам. Они на рынке центральном торгуют. Уходят с ранья, приходят поздно вечером.

— Господи... — опустила глаза женщина. — Я не знала... Мы с одноклассниками давно задумали двадцатилетие нашего выпуска собрать... Хотели всех любимых учителей разыскать...

— Померла Лидка... Как раз под Пасху. И что удивительно — была ведь неверующая, а перед смертью попросила привести, — охотно принялся вспоминать сосед.

Слушая Романа Аркадьевича, незнакомка затеребила на шее шелковый платок. Улыбка с ее лица исчезла, глаза увлажнились.

Варваре Сергеевне на миг показалось, что женщина переигрывает.

Впрочем, на ее месте любой, случайно оказавшись под прицелом глаз трех незнакомых людей, стал бы переигрывать.

— В области живете, Марина Николаевна? — пропустив мимо ушей подробности рассказа словоохотливого старика, строго уточнила дознавательница, заглянув в лежащие перед ней бумаги.

— Да.

— И что же вас заставило именно сегодня здесь кого-то разыскивать?

— Сегодня у меня много дел в городе. Я же объяснила: мы с одноклассниками договорились разыскать любимых учителей.

— Нашли?

— Роман Аркадьевич только что сказал, что учительница умерла! — не выдержала Самоварова.

— Да, — горестно вздохнула Марина Николаевна. — Я приехала, мне никто не открыл. Потом пожар этот... Я так и подумала: наверное, мне лучше задержаться, я же видела, как все было, могу свидетельствовать. Да и Лидия Петровна могла куда-то ненадолго отойти. Вдруг, думаю, вернется. Я же не знала...

— Камер в подъезде нет, так? — обратилась непонятно к кому дознавательница.

— Увы, — подтвердила Варвара Сергеевна.

— Плохо. — Та уже заканчивала заполнять бумаги. — Короче, вы и вы, — ткнула она ручкой в сторону Романа Аркадьевича и Марины Николаевны, — будете и свидетелями и понятыми.

— А что потом? — с опаской спросил сосед.

— Я передам все необходимые документы в местный РОВД. Они и будут с этим разбираться.

— Ух ты! — присвистнула Самоварова. — В большинстве случаев подобные дела получают отказ. Чтобы добиться от них открытия уголовного дела, надо очень постараться...

Дознавательница впервые с интересом посмотрела на Варвару Сергеевну:

— Что, горели уже?

— Слава богу, нет.

— Есть свидетельские показания поджога, значит, им и разбираться, — повторила дознавательница и вновь помассировала ручкой затылок.

Чтобы отвлечь себя от мыслей о Валере, Варвара Сергеевна машинально включила кофемашину.

— Если вас не затруднит, можно мне первой все подписать? — посмотрела на наручные часы Марина Николаевна. — Время поджимает.

Дознательница, с выражением садистского удовольствия на лице, на ее просьбу не отреагировала.

— А я никуда тороплюсь, — заверещал сосед, покосившись на мигающий огонек кофеварки.

Через несколько минут Марина Николаевна, не читая протокола, поставила, где нужно, подпись и, быстро попрощавшись, ушла.

После ее ухода дознавательница будто выдохнула. Удобно устроившись за обгоревшим столом, она развязала пояс пальто. Короткая плиссированная юбка обнажила кружевную резинку черного чулка. Роман Аркадьевич заметно оживился и нехотя отвел от ее ног ставшие стыдливо-масленными глаза.

— Кофе будете? — из вежливости спросила у дознавательницы Самоварова.

— Не откажусь. — Перебирая на столе заполненные документы и что-то сосредоточенно выискивая, она иногда черкала в них ручкой. — Так... Варвара Сергеевна, квартира застрахована?

— Не знаю.

Летом, когда еще жили на даче, Самоварова, будто что-то предчувствуя, предложила доктору застраховать квартиру, но тот, отвлекшись на приготовления к обеду, ей так и не ответил.

— Можно мне тоже маленькую чашечку? — На старческом лице Романа Аркадьевича появилось какое-то детское, глуповатое выражение.

— Конечно, — пожала плечами Самоварова.

«Если собеседование назначено на одиннадцать, около двенадцати можно будет набрать. Нет, лучше написать, чтобы он, как сможет, перезвонил».

Словно считав ее мысли, дознавательница оторвалась от проверки бумаг и бухнула:

— Так! Мне срочно нужен хозяин квартиры! Кто-то сказал, он работает недалеко отсюда. Вы, как лицо здесь